Соломон Волков

Диалоги с Владимиром Спиваковым

Соломон Волков

Диалоги с Владимиром Спиваковым

«Издательство АСТ»

2014

Волков С. М.

Диалоги с Владимиром Спиваковым / С. М. Волков — «Издательство АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-087069-1

Владимир Спиваков – выдающийся скрипач и дирижер, удостоенный множества наград; создатель камерного оркестра «Виртуозы Москвы», основатель, художественный руководитель и дирижер Национального филармонического оркестра России. Соломон Волков – автор книг-диалогов с Иосифом Бродским, Дмитрием Шостаковичем, Джорджем Баланчиным, а также книг-исследований по истории русской культуры – от царствования дома Романовых до наших дней.«Эта книга – попытка заглянуть в душу Спивакова поглубже. Уяснить для себя и других корни его феноменального успеха и причины его уникальной позиции в современном искусстве» (Соломон Волков).

ISBN 978-5-17-087069-1

© Волков С. М., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Секрет Спивакова 6
Интродукция (молитвы в футляре) 9
1. Увертюра 10
В коммуналках 11
Мама 13
Первый учитель. Пустые струны 15
Музшкола. Методы воспитания 16
«Гнать таких надо!» Педагоги и одноклассники 18
Урок физкультуры. Отправить в нокаут 20
Наши наставники. Образец несправедливости 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Соломон Волков
Диалоги с Владимиром Спиваковым

«…наши изделия говорят о нас больше, чем наши исповеди…»
И. Бродский

«Возможно, искусство есть просто реакция организма на собственную малоемкость»
И. Бродский

В книге использованы фотографии из семейного архива Владимира и Сати Спиваковых, в том числе фото В. Ахломова, М. Волковой, Christian Steiner, Ю. Роста, В. Помигалова, А. Ратникова, А. Чумичева, В. Глынина, Э. Левина, Е. Бурмистрова, Е. Кратта, В. Локтева

Издательство благодарит всех фотографов, чьи работы были использованы в книге

На суперобложке – Владимир Спиваков и Соломон Волков (фотограф Christian Steiner)

© Волков С.
© ООО «Издательство АСТ»

Секрет Спивакова

Анна Ахматова, помнится, делила прославившихся людей на две категории: у кого «темечко выдержало» и у кого – нет. Так вот, у Владимира Спивакова «темечко выдержало». Он не запил, не стал наркоманом, многоженцем, бабником, «фриком» («Шишков, прости: не знаю, как перевести»). Остался честным музыкантом. А все потому, что Спиваков – художник с миссией, хотя и секретной.

Сразу оговорюсь. Я знаю Спивакова уже пятьдесят пять лет, ведь мы занимались у одного и того же профессора по классу скрипки в музыкальной школе при Ленинградской консерватории. За прошедшие годы мы провели в откровенных разговорах не одну сотню часов. Но Спиваков для меня до сих пор – человек-загадка. Какие-то створки своей души он иногда приоткрывает, а другие остаются наглухо закрытыми.

Он целен и целеустремлен, но он очень разный, этот Спиваков. Он не только музыкант. Он умница и эрудит, боксер, художник и философ. Любящий муж, внимательный отец. Стойкий, лояльный друг. Глубоко верующий человек, не выпячивающий свою веру напоказ, как это иногда случается.

Спиваков делает много добра. С ним легко говорить. С ним можно помолчать. Он часто сомневается в себе. Ищет ответы на трудные вопросы, которые сам себе задает. Ошибается. Мучается потом… И старается не повторять своих ошибок.

Эта книга – попытка заглянуть в душу Спивакова поглубже, понять его. Уяснить для себя и других корни его феноменального успеха и причины его уникальной позиции в современном искусстве.

Но сначала блицэкскурс в историю новейшей культуры. Мы знаем, что XX век был ознаменован революционной победой так называемого высокого модернизма. Имена Пикассо, Стравинского, Джойса, Кафки у всех на устах, их творения вроде бы абсорбированы культурным мейнстримом. Это зачастую трагические сочинения, ответ и вызов зажравшемуся буржуазному обществу. В основном они носят экспериментальный характер, поэтому широкой аудиторией до сих пор воспринимаются не без внутреннего сопротивления.

На смену модернистам пришли постмодернисты – отнюдь не революционеры, хотя люди талантливые. Титанов вроде вышеперечисленных среди них пока не видно, но многие приобрели вполне заслуженную известность. Модернистское наследие было ими растащено по кусочкам и обглодано, часто – с чрезвычайно остроумным нигилистическим подхихикиванием. Искусство при этом все более превращалось в игру «для своих». Образовался закрытый клуб: критики, кураторы, влиятельные советники мощных арт-фондов, отдельно взятые высокопоставленные чиновники.

А публике что делать? В игре на арт-поле ей участвовать недосуг, да и не подпустят к этому волнующему занятию «аутсайдеров». А тяга к искусству остается, она никуда не исчезла, да и не может исчезнуть – рисункам на потолке Альтамирской пещеры в Испании двадцать тысяч лет, это настоящие дикари сотворили, не чета нынешним.

Вот на эту огромную тягу, на этот запрос массы современных «аутсайдеров» на высокую культуру и отвечает Спиваков. Он с этой аудиторией ведет честный, красивый и искренний диалог поверх голов отечественных специалистов и профессиональных посредников, чем страшно их раздражает: если все понятно и без них, если в их изящных комментариях и многомудрых разъяснениях не нуждаются, то тогда зачем они?

Конечно, стремление спецов как-то «укусить» Спивакова вполне объяснимо и является частью вышеописанной игры. Но беда в том, что часто претензии нашей критики к Спивакову формулируются некорректным образом. Например, можно услышать, что Спиваков идет на поводу у своей публики, что его репертуар – и сольный, и в качестве руководителя «Виртуозов

Москвы» и Национального филармонического оркестра России – облегченный, развлекательный. Неправда! Спиваков играет самых сложных авторов – Стравинского, Шёнберга, Альбана Берга, Бартока, Шостаковича (если называть только имена корифеев «высокого модернизма»). Из новейших композиторов в его репертуар входят Шнитке, Щедрин и Пярт – авторы, сохранившие верность высоким идеалам.

Не так давно я был на концерте Владимира Спивакова в Карнеги-холле: переполненный зал, много молодежи… После концерта, пробираясь к выходу сквозь нарядную возбужденную толпу, я прислушивался к разговорам, присматривался к лицам: они прекрасны, они сияют, одухотворенные только что прозвучавшей музыкой.

А звучали Брамс, Стравинский, Шостакович – программа, которую облегченной ну никак не назовешь. И знаете чему зал аплодировал азартнее всего? Стравинскому! А почему? Да потому, что Спиваков сыграл его «Итальянскую сюиту» с таким увлечением, напором и блеском, что слушатели, многие из которых, как я подозреваю, услышали музыку Стравинского впервые в жизни, были ею захвачены и очарованы.

Вот он, секрет Спивакова, вот его миссия: он сообщает высокому модернизму, чьи лидеры к публике, чего уж там греха таить, иногда питали чувства весьма недружелюбные (а публика в ответ платила им той же монетою), «человеческое лицо». Тот же Стравинский всю жизнь прятался за разными масками, любил провозглашать, что и музыка вообще, и его собственная в частности, «ничего не выражает» и уж тем более «ничего не изображает». «Нет, – настаивает Спиваков, беря в руки скрипку или выходя к оркестру с дирижерской палочкой, – и выражает, и изображает. Вот послушайте!»

Скрипач Натан Мильштейн, хорошо знавший Стравинского, доказывал мне, что на самом-то деле Игорю Федоровичу нравилось иметь успех, просто жизнь его столько раз царапала, что у него выросла защитная броня, а уж тогда сложилась и соответствующая эстетика. Не знаю, не знаю. Но точно знаю, что творческая стратегия Спивакова, как бы ни фыркали на нее «снобы в коротких штанишках», обожающие повторять процитированные выше высказывания Стравинского, абсолютно легитимна.

Классические музыканты редко становятся объектом всенародной любви в России. Сразу выведем за скобки легендарных оперных певцов прошлых времен: Собинова, Козловского, Лемешева. (Заметим, все – тенора.) Над ними, разумеется, возвышается гигантская фигура Шаляпина, именно что баса, каким-то непостижимым лично для меня образом сумевшего завоевать позицию номер один. Его рекорд никем еще не побит.

Но вспомним несомненных чемпионов советской поры: скрипача Ойстраха, пианистов Рихтера и Гилельса, дирижеров Мравинского, Светланова и Кондрашина. Они служили образцами, были всесоюзно (и даже всемирно) знамениты, но их лица (и личности) в народном сознании не пропечатывались. Это было обусловлено эпохой. Государству нужны были некие символы, а не конкретные личности. Вот Ойстрах – символ советского скрипача, а уж что это за человек, каков он в приватной жизни – это не должно было быть известно.

На Спивакове, в восьмидесятые годы, эта тенденция стала меняться. Тут многое сошлось: начальство как-то размагнитилось, отечественное телевидение стало более амбициозным и предприимчивым. В тот исторический момент оно нашло в лице Спивакова идеального героя: классический музыкант мирового масштаба, широкоплечий красавец, звучным баритоном цитирующий – разбуди его ночью! – Цветаеву, Ахматову и Бродского.

Еще важно, что Спиваков именно скрипач, причем прекрасной выучки. Скрипач для ТВ – самая подходящая натура: пианиста рояль заслоняет, а у виолончелиста, даже самого гениального, взаимоотношения со своим инструментом для «картинки» какие-то не вполне благопристойные – посмотрите, сами увидите. Но скрипач тоже не всякий годится: некоторые закусывают губы, корчат рожи. Крупный план этого не любит. А у Спивакова – величавая осанка,

плавные движения рук, благородное бледное лицо, и все это существует в редком единстве, исключающем какую бы то ни было внутреннюю фальшь или напряжение.

К Спивакову отношение особое: его любят. А любят потому, что он делает великое дело, по секрету и на глазах у всех.

Сначала скрипач Спиваков создал в 1979 году камерный оркестр «Виртуозы Москвы», затем, в 2004-м, – Национальный филармонический оркестр России. Уже больше двадцати лет существует созданный им благотворительный детский фонд, известный теперь во всем мире. Кто-то скажет: разбрасывается! уж лучше играл бы на скрипке! Но Спиваков не может жить по-другому. Ему всегда было тесно в узком пространстве личного успеха. Его неумолимо притягивает желание поделиться музыкой, добром, участливостью, «поделиться собой». И ответная эмоция публики делает его сильнее.

За помощь в работе над этими диалогами мы с Владимиром Спиваковым сердечно благодарим Елену Шубину, Сати Спивакову, Ларису Саенко и Кларису Пульсон.

Соломон Волков

Интродукция (молитвы в футляре)

ВОЛКОВ: Я знаю, что всякий путешествующий скрипач пуще зеницы ока бережет свою скрипку. И все самое дорогое он укладывает рядом с нею – в футляр, вместилище реликвий, того, что особенно памятно, с чем не расстаются. Что хранится в твоем футляре от скрипки?

СПИВАКОВ: Я не люблю броских вещей и не люблю фальшивых нот – ни в оркестре, ни на скрипке, ни в жизни. Самое дорогое, что храню в футляре скрипки, – это письма моих родителей, фотографии жены, детей, папы и мамы, Леонарда Бернстайна. И три молитвы: во-первых, молитва отца Александра Меня, во-вторых, последняя молитва великого русского философа Ивана Ильина, исчерпывающе простая: «Соблюди мою свободу в жизни и в творчестве, ибо свобода моя – свершение воли Твоей».

И еще, самая, наверное, главная, – молитва матери Терезы «Я просила…», которая стала для меня путеводной нитью в жизни:

Я просила Бога забрать мою гордыню,
и Бог ответил мне – нет.
Он сказал, что гордыню не забирают – от нее отрекаются.
Я просила Бога исцелить мою прикованную к постели дочку.
Бог сказал мне – нет. Душа ее в надежности,
а тело все равно умрет.
Я просила Бога даровать мне терпение, и Бог сказал – нет.
Он сказал, что терпение появляется в результате
испытаний – его не дают, а заслуживают.
Я просила Бога подарить мне счастье, и Бог сказал – нет.
Он сказал, что дает благословение, а буду ли я счастлива
или нет – зависит от меня.
Я просила Бога уберечь меня от боли, и Бог сказал – нет.
Он сказал, что страдания отворачивают человека от мирских
забот и приводят к Нему.
Я просила Бога, чтобы дух мой рос, и Бог сказал – нет.
Он сказал, что дух должен вырасти сам.
Я просила Бога научить меня любить всех людей так,
как Он любит меня.
Наконец, сказал Господь, ты поняла, что нужно просить.
Я просила – и Бог послал мне испытания,
чтобы закалить меня.
Я просила мудрости – и Бог послал мне проблемы,
над которыми нужно ломать голову.
Я просила мужества – и Бог послал мне опасности.
Я просила любви – и Бог послал несчастных,
которые нуждаются в моей помощи.
Я просила благ – и Бог дал мне возможности.
Я не получила ничего из того, что хотела, —
я получила все, что мне было НУЖНО!
Бог услышал мои молитвы.

1. Увертюра
Детство

ВОЛКОВ: Я хотел бы поговорить с тобой о детстве – о твоем детстве, о моем, о нашем общем детстве. Мы такие, какими нас вылепило наше детство. К тому же это детство советской поры для новых поколений уже из области мифологии. Они не понимают, в каких условиях происходил наш рост и как ситуация формировала и тебя, и меня, и миллионы других людей. Когда я начинаю думать о нашем детстве, я вдруг понимаю, что это уже история. Это все уже в прошлом. Каковы твои первые воспоминания? Что ты первым запомнил в своей жизни?

В коммуналках

СПИВАКОВ: Я родился в Башкирии, в городе, которого уже нет на карте, – это Черниковск, бывший Сталинский район Уфы, который был выделен в отдельный город, а теперь снова стал частью Уфы. Моя мама – Екатерина Осиповна Вайнтрауб – приехала туда из Ленинграда в 1942–1943-м, из блокадного Ленинграда. Там, в тылу, помогал «ковать победу» мой отец – Теодор Владимирович Спиваков, работая старшим мастером цеха номер один по производству двигателей для наших бомбардировщиков. Он был комиссован после тяжелых контузий, полученных в первые месяцы Великой Отечественной войны. Отец ушел добровольцем и воевал на Украинском фронте.

Поэтому в Уфе меня справедливо считают своим человеком, равно как и сам я считаю Уфу своим городом, ощущаю там себя как дома. Эти чувства разделяют со мной земляки-уфимцы Земфира, Юрий Шевчук или в прошлом – Рудольф Нуреев.

После войны семья переехала в Ленинград. Помню нашу первую питерскую комнатушку в Ковинском переулке с личной жилплощадью в шесть-семь квадратных метров: отец, сидя на диване, расположенном у одной стены, не вставая, качал ногой люльку у стены напротив. В этой комнатке мы жили вчетвером – вместе с появившейся на свет сестричкой.

Сама же коммуналка была огромной, представляя собой прообраз популярного тогда политического лозунга о «мирном сосуществовании всех наций». Под одной крышей уживались татары, евреи и русские, а всего там обитало человек двадцать, не меньше. Вопрос религиозных различий на повестке не стоял, поскольку все ходили поклоняться своим богам в Ленинградскую филармонию. Это и был наш общий храм.

Я рос в коммуналке, где была очередь в туалет, а в ванную комнату ходили по расписанию. Но никто никому не плевал в суп, и праздники отмечались сообща. Нравы обитателей нашей первой ленинградской квартиры, несмотря на скученность, отличались поразительным миролюбием. Кстати, там же, в Ковинском переулке, был польский католический костел, где я впервые услышал орган. Почти как у Пушкина:

Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался – слезы
Невольные и сладкие текли…

Мы тогда много раз переезжали – на расширение, так сказать: меняли семиметровую комнату на десятиметровую, а ту – на двенадцатиметровую… Проспект Газа, проспект Союза Печатников, потом поселились около Никольского собора. В той коммуналке замечательная соседка, истово верующая христианка Анна Ефимовна, однажды взяла меня с собой в церковь.

Она отмечала все церковные праздники, строго следовала постам, когда практически ничего не ела, только иногда кусочек хлеба с подсолнечным маслом. Поскольку мама работала во многих местах одновременно, а отец, так и не оправившийся от контузий, то работал, то болел, я оказался на попечении Анны Ефимовны. С ней я приобщился к храму уже не только ради музыки.

Ощущение раннего ленинградского детства у меня ахматовское – «был блаженной моей колыбелью / Темный город у грозной реки». Когда мы переехали в очередной раз – на улицу Некрасова – и жили где-то под крышей, соседка, Лидия Львовна Соковнина, отводила меня по утрам по пути на работу в детский садик. Она работала в Технологическом институте и вставала очень рано. Мы выходили из дома и погружались в темный город, а потом нас проглаты-

вал темный троллейбус. Я додремывал в той темноте, вцепившись в драповое пальто Лидии Львовны, чтобы не потеряться. Потому что в темную рань троллейбус был уже переполнен.

Мама

СПИВАКОВ: В мир музыки меня ввела мама. Она садилась к пианино – для рояля у нас не было места, – а меня, младенца, усаживала сверху на крышку. Она рассказывала, что, еще не умея ходить, я подпрыгивал, когда она играла веселую музыку. А когда грустную – раскачивался из стороны в сторону. Моя мама замечательно играла на рояле. Она училась в Одесской консерватории вместе с Эмилем Гилельсом у того же педагога – Берты Михайловны Рейнгбальд. Потом посещала занятия в Ленинградской консерватории. Мама потрясала своим совершенным слухом, могла впервые услышанный мотив тут же гармонизовать в песню, танец, свободно играла в любых тональностях, для нее никакого труда не составляла транспонировка.

ВОЛКОВ: То есть перенос мелодии из одного ключа в другой! Это очень редкий дар!

СПИВАКОВ: Если какой-нибудь солист жаловался, что ему неудобно петь, моя мама с легкостью предлагала: «Пожалуйста, я могу на полтона выше или на полтона ниже».

Она играла на рояле замечательно до последних дней жизни. Помню, много позже, в Москве, куда мы переехали, я вышел из лифта, подошел к нашей двери и замер – кто-то у нас блестяще исполнял концерт Шумана. Я задержался, пытался угадать: что за гость забрел в дом? А отпер дверь – и оказалось, что это моя немолодая мама играла по памяти этот концерт.

У меня было счастливое детство. У меня были чудесные добрые родители, которые постоянно кого-то опекали и подкармливали – сына дворника или сына пожарного. Отец был убежденный коммунист-романтик, честнейший человек. Мама – блокадница. Этим сказано все, потому что блокадники были особой категорией людей, и связи между ними были особыми. Мама всю жизнь переписывалась с подружками военных лет, которых судьба раскидала по миру. Помню, уже в Москве она получила письмо от одной из блокадниц. Я прочитал лежащее на столе письмо – женщина описывала, как трудно ей ухаживать за сыном-инвалидом, что сама она уже не в состоянии делать ему уколы, что он не может передвигаться, а она ослабела… Она писала, что не может достать инвалидной коляски.

Это были еще советские времена, но я уже ездил за границу, уже были какие-то знакомства и связи. Я снял телефонную трубку, позвонил в Лондон и заказал кресло на колесах, которое невозможно было достать в СССР.

А потом пришла мама:

– Я получила письмо от подружки. Мы с ней вместе сбрасывали осколки фугасных бомб с крыши консерватории… Мы вместе вывозили раненых. Ей надо помочь.

– Не беспокойся, я уже все сделал, – успокоил я свою совестливую маму. Я знал, как свята для нее эта дружба.

Моя память сохранила голос Ольги Берггольц, звучащий из репродуктора:

И первый гроб, обитый кумачом,
Проехавший на катафалке красном,
Обрадовал людей – нам стало ясно,
Что к жизни возвращаемся и мы
Из недр нечеловеческой зимы.

И вот этот голос великой Берггольц я до сих пор слышу в своем сознании.

ВОЛКОВ: А с каким он у тебя инструментом ассоциируется?

СПИВАКОВ: С альтом. Альтовый голос Берггольц.

ВОЛКОВ: А что мама тебе читала? Из детства какие-нибудь книжки в памяти остались?

СПИВАКОВ: Мама работала круглосуточно, но старалась, урывала какие-то крохи свободного времени и читала мне иногда. Это были самые обычные детские книжки, которые всем тогда читали – Чуковский, Барто… Из них совершенно ничего не помню. Зато в памяти у меня остались стихи поэтов, которых вообще сейчас не вспоминают. И, наверное, не издают. Надсон, например. Кто его сейчас знает? Или Апухтин.

«Что, умерла, жива? Потише говорите,
Быть может, удалось на время ей заснуть…»
И кто-то предложил: ребенка принесите
И положите ей на грудь!
И вот на месте том, где прежде сердце билось,
Ребенок с плачем скрыл лицо свое…
О, если и теперь она не пробудилась, —
Все кончено, молитесь за нее!..

Если до сих пор знаю наизусть, значит, тогда произвели впечатление.

ВОЛКОВ: Апухтин и Надсон – и мои любимцы. Сейчас они совсем не в моде. Как ты на них набрел?!

СПИВАКОВ: Мне повезло. Я уже говорил о нашей соседке по коммуналке, Лидии Львовне Соковниной. Умнейшая русская женщина. Вот у нее была большая, тщательно подобранная библиотека. Она мне давала то, что любила сама.

ВОЛКОВ: А первую самостоятельно прочтенную книжку помнишь?

СПИВАКОВ: Я помню, что́ я впервые сыграл. Но первую прочтенную книжку – не помню совершенно.

ВОЛКОВ: Но наверняка был в детстве любимый герой, на которого хотелось быть похожим? Для меня таким был лермонтовский Печорин…

СПИВАКОВ: И у меня – Печорин! Холодный, отстраненный, совершенно неотразимый! Онегин тоже был мой герой. Но главное, уже с того раннего возраста я понимал: тут два героя – Онегин и Пушкин. Александр Сергеевич не только своего персонажа, но и себя рассматривал как бы со стороны, ему удавалось отстраниться. Редкое, между прочим, качество…

Первый учитель. Пустые струны

СПИВАКОВ: Мой путь в музыку не был устлан розами – для начала меня не приняли в Среднюю специальную музыкальную школу при Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова. Несмотря на то что пел я политически верно подобранную песню «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед», угадал все ноты и верно простучал ритм. Чувство ритма было с детства отработано деревянной ложкой по кастрюле. Это были мои первые игрушки.

Тогда я поступил в обычную районную музыкальную школу на Петроградской стороне, до которой надо было добираться автобусом. Мама почему-то решила отдать меня на виолончель. Я поносил инструмент две недели, упарился и взмолился дать мне что-нибудь полегче. Тогда мне дали скрипку. Но и с ней не заладилось поначалу.

Мой первый педагог Борис Эммануилович Крюгер изводил меня тем, что заставлял упражняться на пустых струнах. Я это совершенно не выносил, хотя потом, спустя много лет, пришлось опять это делать у Юрия Исаевича Янкелевича, потому что нужно было исправлять постановку правой руки.

Ужас ученических терзаний живо стоит в памяти до сих пор – эти пустые струны, ничего не значащие, кошмарные, эта сыплющаяся канифоль… Но однажды я услышал, как другой ученик Крюгера играет «Размышление» Чайковского. Эта музыка проникла в самое сердце! Я вернулся домой и одним пальцем на соль-струне подобрал запомнившуюся мелодию. Когда я пришел на следующий урок, учитель принялся традиционно меня журить:

– Опять Вова не демонстрирует никаких успехов, даже пустые струны не двигаются вперед никак.

– Подождите, – заступилась мама. – Он услышал вчера Толю Резниковского, который играл у вас «Размышление» Чайковского, и сам подобрал. Послушайте его, пожалуйста…

И я одним пальцем заиграл – та-ра-ра-ри-ра-ри…

– Кажется, из него что-то получится. Может быть… – заключил мой первый учитель.

ВОЛКОВ: О, Толя Резниковский! Как же, помню его…

СПИВАКОВ: А первый мой концерт сопровождался смехом в зале. Я должен был играть «Мазурку» Баклановой, был очень сосредоточен, но, выйдя на сцену, вдруг понял, что у меня что-то не в порядке с одеждой. Одежда на мне – согласно тогдашней традиции для мальчиков дошкольного и младшего школьного возраста – была такая: чулки в рубчик, они крепились на резинках к «лифчику», который застегивался на животе. Поверх шли широкие, но короткие штанишки, державшиеся на лямках, перекинутых через плечи. То ли лифчик, то ли лямки меня подвели – штаны явно падали. Я положил скрипку на крышку рояля – для детей ее не открывали, деловито подтянул штаны повыше под непонятный мне общий смех, снова взял скрипку – и сыграл эту мазурку. Таким было мое первое выступление на публике. Прошло много лет, однако я помню все свои оплошности – и самые ранние, и двадцатилетней давности, и самые последние, – где, когда, в каком городе, в каком месте и в каком произведении я ошибся. Но ту мазурку я сыграл чисто, клянусь тебе…

Музшкола. Методы воспитания

СПИВАКОВ: Прошло некоторое время, и наконец меня приняли в Музыкальную школу имени Римского-Корсакова – в класс к Любови Марковне Сигал, ученице легендарного профессора Леопольда Ауэра. О его методах воспитания, заметим, она отзывалась нелицеприятно. Например, когда она, тогда совсем молодая девушка, начинала играть, то ставила правую ногу слегка косо. Он сказал ей один раз: «Люба, встань как следует, с опорой на левую ногу» – тогда считалось, что это хорошо. А когда через некоторое время она забыла об этом и по привычке снова поставила ногу не так, Ауэр подошел и врезал ей носком туфли прямо по правой голени. Тогда по моде носили жесткие штиблеты с острыми носами. Люба две недели, корчась от боли, пролежала в постели со льдом на кровяном отеке, не в силах прийти на урок. Вот такая школа была.

Сигал и сама была строга. Помню, как она меня учила вибрации, объясняя, что вибрация на скрипке – это как звучание души инструмента, совершенно поразительная палитра красок. Я понимал, что в каждом пальце должна быть точка золотого сечения, что пальцы должны ровно стоять на грифе, да только ручонки мои были еще малы и неумелы.

– Опять просишь милостыню? Что ты просишь милостыню все время! – и Сигал давала мне довольно увесистую затрещину.

Или когда моя уставшая после работы мама придремывала на стуле, в то время как я выводил эти ужасные упражнения Шрадика и прочий кошмар, Сигал непременно ее одергивала: «Мадам, не спите!»

ВОЛКОВ: Строгость, похоже, в традиции у преподавателей музыки, в том числе и очень известных. Анна Николаевна Есипова, великий педагог, взрастившая талант Прокофьева была очень требовательной…

СПИВАКОВ: Во времена Есиповой в Петербургской консерватории вообще была строгая дисциплина – это были времена, когда ректором был Александр Константинович Глазунов. Тогда же преподавал Римский-Корсаков, которого бесконечно уважали и даже побаивались – причем не из-за его характера, а из-за его обширнейших знаний. К нему обращалось неимоверное количество людей с вопросами по оркестровке – и он на все знал ответ.

ВОЛКОВ: Римский-Корсаков был таким знатоком композиторской кухни, равных которому не было. Не знаю, согласишься ли ты со мной, но я считаю Римского-Корсакова нашим отечественным Вагнером. Мне кажется, что в России должен был бы быть в точности такой же его культ, как культ Вагнера, который существует на Западе, и особенно в Германии. Римский-Корсаков воплотил в музыке русские мифы – в «Сказании о невидимом граде Китеже». Его «Китеж» – это наш «Парсифаль». Правда ведь?

СПИВАКОВ: В широком смысле – да, так и есть. Только ой как тяжело из времени вытаскивать правду…

ВОЛКОВ: Эх, ну почему нет в России настоящего уважения к отечественным титанам?

СПИВАКОВ: Да есть уважение. Может быть, выражено не так, как ты имеешь в виду – не официальным признанием, не официальной памятью. Но композиторы, которые соприкасались с Римским-Корсаковым и считали его своим духовным наставником, сформировали

последовательную цепь великой преемственности. Римский-Корсаков – Стравинский – Прокофьев – Шостакович.

ВОЛКОВ: И в наши дни цепь эту продолжает Родион Щедрин. Это все одна линия. Я уверен в том, что для Римского-Корсакова должен быть воздвигнут российский храм музыки, в котором будут идти оперы только этого русского гения и каждый год будут новые постановки, новые циклы. И стал бы такой храм местом паломничества, точно так же, как это имеет место с Вагнером в Байройте.

«Гнать таких надо!» Педагоги и одноклассники

ВОЛКОВ: В той школе, где нам с тобой довелось вместе учиться – при Ленинградской консерватории, – были потрясающие учителя. Мы мечтали посвятить себя музыке, но нам преподавали и общеобразовательные предметы, причем без особых скидок на то, что алгебра и геометрия нам особо в жизни не пригодятся. (Арифметика, может быть, и пригодилась бы, если бы мы лучше ее учили…)

СПИВАКОВ: Не поверишь – я помню, к собственному удивлению, формулу крахмала из органической химии! Потому что у нас была потрясающая учительница химии – мать замечательного скрипача Марка Комиссарова. Она говаривала, «голова нужна не только для того, чтобы на ней носить шляпу».

ВОЛКОВ: Помню ее на школьной лестнице – она стояла на верхней площадке, а я внизу. И оттуда, сверху, с высоты, она кричала: «Таких как ты, Волков, гнать надо со всех лестниц!»

СПИВАКОВ: Меня тоже сколько раз гнали! Помнишь нашего очень строгого завуча Елизавету Мартыновну Саркисян? Она всегда в черное одевалась и пронзительным голосом кричала мне через весь школьный коридор: «Спиваков! Мальчик! Тебя в этой школе не будет!» Это же самое она предрекала Голощекину, Афанасьеву и даже Янсонсу, который вообще был круглый отличник.

ВОЛКОВ: А сегодня Марис Янсонс признан одним из ведущих мировых дирижеров, является одним из самых востребованных и влиятельных современных музыкантов. Он руководит двумя коллективами, которые входят в пятерку ведущих оркестров мира по версии журнала «Граммофон», – Амстердамским оркестром «Концертгебау» и оркестром Баварского радио.

СПИВАКОВ: Я играл с обоими оркестрами – изумительные!

ВОЛКОВ: Марис – настоящий воспитатель оркестров. Он приходит не просто продемонстрировать свою виртуозность с тем или иным коллективом – он этот коллектив начинает лепить по-своему и формирует его в какое-то новое единство. То же самое и ты делаешь со своими оркестрами.

СПИВАКОВ: Не будем забывать, что отец Мариса, Арвид Кришевич Янсонс, был превосходным дирижером и сотрудничал с Мравинским! Он многое передал сыну. Я помню, как Марис принес на один из уроков к учительнице по музыкальной литературе Музе Вениаминовне разбор Третьей симфонии Бетховена!

ВОЛКОВ: А я вспоминаю, как Марис организовал в школе некий «Клуб Друзей Искусства», который немедленно окрестили «Клубом Добровольных Идиотов», и мы слушали «авангардную» музыку, которую тогда было очень трудно достать.

Отец Мариса привез из своих гастролей японскую пластинку «Петрушки» Стравинского, и мы на условиях жесткого соблюдения конспирации, собравшись вместе, слушали ее. Это было наподобие подпольных маевок 1905 года. Сейчас покажется абсурдом, но в то время было запрещено слушать записи Стравинского! Это считалось подрывной акцией. Впечатление от этого запретного, тайного слушания было еще более острым и запоминающимся.

СПИВАКОВ: Янсонс приехал из Риги и не очень хорошо говорил по-русски, поскольку его родным был латышский язык, и еще он прекрасно владел немецким. Но по-русски некоторые его фразы звучали комично. Например, он мог сказать о нашем однокашнике-хохмаче – «он был очень остроумный на язык».

ВОЛКОВ: Когда я приехал в Ленинград и поступил к вам в школу, он уже безупречно владел русским.

СПИВАКОВ: Янсонс вообще выделялся среди нас. Все ясно понимали, что он аристократ. Мы в сравнении с ним были просто пролетарии. Когда мы переодевались в школьном спортивном зале перед игрой в баскетбол, то не без зависти смотрели на его шелковые белые трусы. Потому что все остальные члены нашей команды носили одинаковые черные сатиновые. В нашей команде играли Марис Янсонс, Вадик Афанасьев, Додик Голощекин – ну и я тоже играл.

ВОЛКОВ: Команда будущих звезд, хотя и не в мире спорта, а в мире музыки. Я, избегавший спортзала как чумы, тебе ужасно завидовал. Как скрипачу – само собой, но еще и потому, что ты был сильнее и спортивнее меня, такого абсолютного еврейского хлюпика. Только я не помню, когда же ты увлекся этим, что сейчас называется, бодибилдингом?

СПИВАКОВ: Я вначале был такой же слабак, как и ты, не мог ни разу подтянуться на кольцах!

ВОЛКОВ: Кольца!.. Ну ты даешь.

СПИВАКОВ: Не мог даже на шест взобраться.

ВОЛКОВ: Ты таки смог туда взобраться?!

СПИВАКОВ: Не так давно, во время съемок телефильма, меня привезли в этот наш спортивный зал, я был в обычных, не спортивных, ботинках, в кожаной куртке. Как увидел шест – не смог одолеть желания вновь на него взобраться. В нашем детстве шесты были деревянные, довольно легко по ним можно было влезть, а у нынешних школьников – железные, руки-ноги скользят. Но я все-таки долез до самого верха, подтягиваясь только на руках, – и заслужил аплодисменты молодого поколения!

Урок физкультуры. Отправить в нокаут

СПИВАКОВ: А начал я заниматься спортом, потому что выхода другого просто не было. Когда мы, мальчики со скрипочками, выходили из школы в Матвеевом переулке, нас обычно поджидала группа ребят из ПТУ. Они не делали никаких скидок «гнилым интеллигентам» – нас нещадно били. Причем самому высокому из нас, пианисту Олегу Барсову, доставалось больше других – как самому большому.

Жаловаться мы, по своему кодексу чести, не ходили. А вот за советом я решил обратиться к физруку – что делать, когда тебя бьют? Он говорит: сдачи давать! Пойди займись боксом, у меня есть приятель-тренер, он тебя примет.

ВОЛКОВ: Но послушай, первая заповедь музыканта – береги руки как зеницу ока!

СПИВАКОВ: Ты просто не понимаешь – в боксе перевязывают руки, можно выбить только один палец, и то если неправильно его держишь.

ВОЛКОВ: Ну ты небось его и выбил?

СПИВАКОВ: Да, выбивал пару раз. Начало вообще было неприятным. Друг нашего физрука, к которому я пришел, так сказать, по протекции, надел мне перчатки, поставил – и давай по мне лупить как по груше. Он меня как следует нокаутировал и говорит: приходи завтра. Я, признаться, задумался – а надо ли? Пэтэушники и то не так дубасят. Но собрал волю в кулак – и пошел.

Второй раз он мне сначала размяться дал – мы мячи с песком покидали. А потом опять: перчатки на руки – и в нокаут. Я еще более засомневался, связываться ли мне с таким наставником. Но пришел и в третий раз. Думаю, уж лучше потерпеть от профессионала, чем всю жизнь всякая шпана меня будет за грушу держать. Тренер, увидев меня на следующий день, неожиданно подобрел: «Ладно, теперь мы начнем заниматься». И после этого уже по-настоящему взялся меня учить. И эти навыки бокса мне, кстати сказать, несколько раз спасали жизнь.

ВОЛКОВ: А сейчас детей как раз чуть ли не с пеленок «отдают на спорт». Или – учат языкам, компьютеру. А вот учить музыке стало немодно, приоритеты другие…

СПИВАКОВ: И это печально. Не стану употреблять более сильное слово. Это плохо, и не только для самого ребенка, который лишается огромного прекрасного мира. Это в первую очередь недальновидно для общества. Ничего дурного про спорт сказать не хочу – повторюсь, я сам и в баскетбол играл, и боксом занимался. Только во всем нужна мера и здравый смысл.

Самый простой пример. Что происходит с людьми на футбольных матчах, на рок-концертах? Пробуждается немотивированная агрессия, откуда-то из глубины поднимается самое темное и дурное, злое. Они идут громить витрины, жечь машины, рушить все вокруг… И так во всем мире! Несколько лет назад мы с оркестром выступали в Риме. Концерт закончился одновременно с футбольным матчем команд «Рома» и «Наполи». Как потом выяснилось, победили неаполитанцы. Мы с импресарио вышли на улицу, стали искать машину и… обнаружили ее в чудовищном виде. Стекла выбиты, обивка порезана, все раскурочено… И лишь потому, что у машины были неаполитанские номера. А теперь скажите – возможно ли представить себе драку в консерватории на концерте классической музыки? Ни-ког-да! Даже вообразить невозможно. Фанаты Дениса Мацуева не станут драться с почитателями Николая Луганского, а знатоки Шнитке и поклонники Пендерецкого не будут выяснять отношения с помощью физи-

ческой силы. Посмотрите на просветленные, одухотворенные лица слушателей – и все становится очевидно. Уже древние это понимали, вспомним Аристотеля: «Музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души». Классическая музыка, не побоюсь повторить банальные истины, объединяет, сближает, облагораживает, возвышает, пробуждает добрые чувства. И в конечном счете возвращает душе мир и гармонию.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту —
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста.

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито.

Осип Мандельштам

Наши наставники. Образец несправедливости

СПИВАКОВ: Ты не поверишь, но в школе я пел в первых сопрано, очень высоким голосом. И вдруг в один прекрасный день голос сломался, произошла мутация. Я заговорил таким тембром, как говорю сегодня. Это случилось враз. Помню, наш математик Блохин вызвал меня к доске ответить по теореме Пифагора – а я вдруг заговорил басом.

«Садись, Федор Иванович!» – сказал он мне. И с тех пор так меня и звал – Федор Иванович. Шаляпин, стало быть.

ВОЛКОВ: Наш математик был замечательным образом несправедлив. Если бы он по справедливости оценивал мои успехи в области математики, то я бы никогда этой школы не окончил. Мы рассаживались на его уроках стратегически выверенно: впереди меня сидел Марис Янсонс, за ним я, за мной – жизнерадостный Марик Биргер из Винницы.

Янсонс, вечный отличник, знаток всего на свете, свою контрольную всегда выполнял на пять. Отличаясь неизменным благородством, он давал мне свою работу списать. Я в свою очередь давал списать сидящему за мной Марику. За абсолютно одну и ту же контрольную мы получали следующие оценки: Марис – заслуженную пятерку, я – четверку, а сидящий за моей спиной – тройку. Однако мы никогда не пытались опротестовать итоги.

А еще у нас была замечательная учительница по литературе – Нелли Наумовна Наумова, автор хороших книжек о творчестве Толстого, Тургенева, фантастический эрудит. В атмосфере тех лет, а тем более в школе, если бы стало известно, что педагог помянул, к примеру, Хлебникова или символистов, у ответственных товарищей брови поползли бы вверх: не понимаем! А она на первом же уроке, когда я только приехал из Риги, процитировала «О, закрой» Брюсова. «О, закрой свои бледные ноги», – пробасила она. Я обомлел… С ней можно было разговаривать серьезно и доверительно.

СПИВАКОВ: А мы с ней подружились после одного из моих выступлений о Пушкине. Потому что она пришла в класс и сказала – ну, кто из вас может рассказать что-нибудь интересное о поэме Пушкина «Цыганы»?

Я очень любил Пушкина и любил докапываться до многих вещей – как тогда, так, впрочем, и сейчас. И я с ходу запомнил слова оригинальной цыганской песни, которая, собственно, и стала поводом для написания поэмы. Я встал и запел на цыганском языке «Бей меня, режь меня, на уголья клади меня…» – и так далее до конца. После этого я стал ее любимцем.

Кстати, хочу тебе сказать, что помню, как ты играл на скрипке «Вальс» Дебюсси. Когда играю эту пьесу теперь, всегда вспоминаю тебя.

ВОЛКОВ: Тогда Дебюсси считался модернистом. Но когда я его играл, то думал о тебе. Я восхищался тобой и понимал, что никогда в жизни так не буду играть! Ты брал в руки скрипку и уже тогда извлекал из нее тот особый, эмоциональный, насыщенный, красочный звук, который стал твоим фирменным знаком. И я понимал, что научить этому нельзя, это то, с чем человек рождается. Ты родился с этим удивительным, неповторимым звуком в душе.

И при этом даре музыканта ты был потрясающе заводным парнем: прыгал, бегал, всех нас смешил, не боялся в спортзале выкладываться до последней капли пота. Другой бы превратился в маленький прижизненный памятник самому себе, не дай бог повредить пальчики. Ты был совсем другим – заводила, душа класса, всё вокруг тебя крутилось. Когда на переменах Додик Голощекин садился к фортепиано и начинал лабать буги-вуги, а ты – выделывать какие-то невероятные коленца, всё вокруг вспыхивало радостью!

СПИВАКОВ: Несмотря на возвышенные начала, мои школьные годы не обошлись без мальчишечьего хулиганства. Не со зла, а для потехи мы подкладывали на стул не самым любимым учителям самодельные «взрывпакеты». Делались они так – устанавливаешь вертикально патефонную иголку, потом прижимаешь и закрепляешь ее скатанным кусочком хлеба, а сверху – пистон. И, когда учитель садился, раздавался взрыв. Я тогда начал увлекаться химией, проводил дома опыты с пенициллином, который продавался в аптеках без всяких рецептов. Эмпирическим путем я определил, что если его – это же просто плесень – поджечь, он источает страшное зловоние. Я принес шесть таблеток в школу – и поджег их все сразу. В результате я сорвал шесть уроков, чего никому в нашей школе до меня еще не удавалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.